

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ЭКСПЕРИЕНЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

DISCOURSE PRACTICES IN EXPERIENTIAL CONTEXT

**T. Fomina
S. Naturina**

Summary: The paper focuses on functioning of discourse practices in experiential context. The paper finds that owing to a number of cognito-pragmatic factors some discourse practices may turn out ineffective. At the same time, not following discourse practices can lead to effective communication.

Keywords: discourse practices, experiential context, political correctness, speech situation, dysphemism.

Фомина Татьяна Анатольевна

Преподаватель, МГИМО (У) МИД России
wesna85@bk.ru

Натурина Светлана Андреевна

Преподаватель, МГИМО (У) МИД России
svetlana-naturina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена функционированию дискурсивных практик в рамках экспериенциального контекста. Выявлено, что, ввиду совокупности когнитивно-прагматических факторов, некоторые дискурсивные практики могут оказаться неэффективными. В то же время, в определенных речевых ситуациях несоблюдение дискурсивных практик может привести к положительному коммуникативному результату.

Ключевые слова: дискурсивные практики, экспериенциальный контекст, политкорректность, речевая ситуация, дисфемизм.

Дискурсивные исследования, по мнению Е.С. Кудряковой, относятся «к новой реальности языка – реальности очень сложной и очень богатой по своему содержанию» [5, с. 124].

Письменная коммуникация и устная коммуникация протекают или, другими словами, осуществляются в форме многочисленных дискурсивных практик как процессов «производства и потребления или интерпретации текстов и разговоров» [13, с. 145], как типов коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте [17] [6, с. 9].

Существует несколько подходов к интерпретации термина «дискурсивная практика». Ученые-когнитивисты определяют дискурсивную практику как способ осмысления и интерпретации социальной жизни [1, с. 245-246]. В контексте политической лингвистики дискурсивные практики – это «тенденции в использовании близких по функции альтернативных языковых средств выражения определённого смысла», помимо этого, дискурсивные практики служат для «идентификации участников политического дискурса» [1, с. 245-246]. В рамках антропологической лингвистики под дискурсивной практикой понимается «повседневная практика отдельного индивида, выступающая предметом анализа культурного антрополога» [7, с. 227-228]. В рамках изучения социальных процессов, О.С. Иссерс рассматривает дискурсивные практики в фокусе «динамичной организации тех коммуникативных систем внутри социума, которая (организация), с одной стороны, отражает характерные для данной социальной общности речевое поведение и мышление, а с другой – формирует новые

формы коммуникации в данной социально-культурной реальности» [4, с. 73] [6, с. 6-7]. Наиболее продуктивным представляется определение, данное Л.В. Куликовой, которая понимает дискурсивные практики как социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и неинституционального общения [6, с. 10]. С точки зрения Л.В. Куликовой, дискурсивные практики маркируют-ся приведенными ниже характеристиками:

«Традиционность и целесообразность: дискурсивную практику можно квалифицировать как стереотипно воспроизводимую речевую деятельность в рамках определённого типа дискурса.

Нормированность: дискурсивные практики реализуются на основе более или менее жёстко закреплённых норм вербального и невербального характера.

Интерактивность: дискурсивные практики порождаются в процессах диалогично развивающейся коммуникации, участники которой осведомлены о моделях эффективного дискурсивного взаимодействия в определённых ситуациях общения.

Функционально-когнитивная направленность: дискурсивные практики артикулируются на основе идентификации интерактивных фреймов как структурированных в сознании коммуникантов последовательностей процедур достижения заданных целей» [6].

Таким образом, «воспроизводство дискурсивных

практик основано на знании специфического (часто неосознаваемого) комплекса социальных норм или конвенций, большая часть которых имеет коммуникативно-языковую природу. Это значит, что описание и анализ дискурсивных практик должны опираться на осмысление соответствующих институциональных и повседневных коммуникативных рутин в определённой лингвокультуре» [6, с. 10-11].

Однако в рамках определенной речевой ситуации те или иные дискурсивные практики могут оказаться неэффективными; в то же время, нарушение некоторых дискурсивных практик в определенных контекстах может привести к положительному коммуникативному результату. Это происходит ввиду совокупности когнитивно-прагматических факторов, к которым в первую очередь относятся контекст высказывания (эмпирическая среда релятивных, но никогда не абсолютных взаимодействий) и интенция говорящего. Необходимо отметить, что понятие «контекст» включает в себя как текущий контекст, так и «исходный контекст коммуникации, т.е. положение дел, которое потом, при совершении речевого акта, неизбежно меняется» [17, с. 21]. К исходному контексту относятся как «события и действия, происшедшие непосредственно перед речевым актом, так и информация, аккумулированная в отношении более «ранних» состояний» [Там же]. Интенция же говорящего заключается в том замысле, который он вкладывает в какое-либо эвфемистическое или дисфемистическое выражение и, соответственно, в тех целях, которые он преследует при использовании эвфемии и дисфемии [9, с. 124].

В рамках настоящего исследования представляется необходимым выделить понятие «экспериментальный контекст» (*experiential context*, см. подробнее: [14, с. 26]). Так, если мы опустим руку в емкость с холодной водой, а затем в емкость с теплой водой, то последняя покажется нам горячей. Определить истинную температуру воды в данном случае будет невозможно, так как все наши суждения обуславливаются экспериментальным контекстом [14, с. 26], т.е. тем, что ощущает человек здесь и сейчас. Как сделать экспериментальный контекст наблюдаемым? В отличие от экспериментальной методики, предполагающей постановку искусственной задачи перед испытуемым, в лингвистическом исследовании на основе экспериментального контекста можно наблюдать за процессами принятия решений, которые субъекты совершают исходя из собственных естественных мотивов и интересов. Методологической альтернативой в данном случае может послужить изучение «компьютеризированной визуализации языковой динамики» [15, с. 220], и такая визуализация возможна в кинофильмах, а точнее, в игровых картинах (*motion pictures*) [3, с. 29].

По утверждению Э. Морена, «камера копирует деятельность нашего зрительного восприятия» и эмпирически обретает подвижность нашего психологического

зрения. По его словам, в реальной жизни наше восприятие «расшифровывает предметы и события в гомогенной пространственно-временной среде с помощью многочисленных скачков, узнаваний и охватов. В кино же работа по расшифровке уже подготовлена, и восприятие просто восстанавливает гомогенность, предмет, событие, время и пространство, опираясь на фрагментарные серии» [8].

Источником данных для исследования послужил американский сериал «Отчаянные домохозяйки» (2004-2012 гг.). Данные, отобранные на основе анализа этого телесериала, на наш взгляд, являются репрезентативными, так как сюжетные линии, раскрываемые в фильме, охватывают широкий спектр ситуаций в различных сферах.

Влияние контекста на эффективность и/или неэффективность тех или иных дискурсивных практик можно выявить при проведении когнитивно-дискурсивного контекстологического анализа, компонентами которого являются ситуативные параметры контекста (тип взаимодействия, место взаимодействия, участники взаимодействия), экспериенциальные параметры контекста (эмоции, которые испытывают коммуниканты), лингвистические параметры контекста (языковые средства, которые используют участники коммуникации):

Рассмотрим пример того, как дискурсивная практика, содержащая референцию к половой принадлежности человека и направленная на соблюдение политкорректности, оказывается неэффективной в рамках данной речевой ситуации:

Policeman: Sir? You do realise the shoulder is used just for emergencies?

Gabi: *Officer, hi*. We are glad to see you. We could really use a *police escort* to the bakery. It closes in 10 minutes.

Policeman: That's not an emergency, *ma'am*.

Gabi: *Ma'am?* Talk about *police brutality*.

Policeman: License and registration, please [S. 7, Ep. 8].

Действие происходит на шоссе возле небольшого американского пригорода. Диалогическое взаимодействие происходит между жительницей пригорода Габриэль и ее знакомым, которые нарушили правила дорожного движения и поехали по обочине, и полицейским (ситуативные параметры контекста). Экспериенциальные параметры контекста – чувство уязвленности, и как следствие, попытка отшутиться от полицейского (со стороны Габриэль), чувство долга и желание наказать нарушителей (со стороны полицейского). Чтобы сгладить неприятную ситуацию, Габриэль использует приветствие неформального стиля (*Officer, hi*), а также предлагает полицейскому в шуточной форме подвезти их до кондитерской, используя выражение *police escort*. Полицейский же придерживается формального стиля общения, используя вежливое обращение *ma'am* (лингвистические параметры контекста). Известно, что слово *madam* использу-

ется для вежливого обращения к женщине, как правило, в сфере услуг во избежание недоразумений, связанных с маркированием семейного статуса [16]. Однако в данном контексте обращение *ma'am* звучит «неудобно» и даже дисфемистично для Габриель, являясь для нее проявлением *police brutality*, ведь такое формальное обращение полицейского не соотносится с тем, что она чувствует в данной ситуации, в которой единственной ее целью является желание отшутиться от полицейского и не получить штраф. Таким образом, в этом случае дискурсивная практика, направленная на вежливое и формальное обращение к незнакомой женщине, оказывается неэффективной ввиду ряда экспериенциальных факторов.

Рассмотрим пример того, как очевидное нарушение политкорректности, наоборот, оказывается эффективным в рамках конкретной речевой ситуации:

Roy: What you won't do to get out of being married to me.

Karen: Aw, crap. I knew I couldn't trust the jumping bean to keep her mouth shut.

Roy: These are for you. (вручает цветы)

Karen: Rushing things a bit, don't you think? Not *dead* yet.

Roy: No, but I'm about to kill you. What the hell were you thinking?

Karen: I didn't want to put you through this again.

Roy: Karen, I married you for better or worse. We had the better, and now...

Karen: Well, what if I say I don't want you here?

Roy: You're *an old lady*. What are you gonna do about it?

Karen: I'm scared.

Roy: I know [S. 8, Ep. 15].

Действие происходит в больнице американского пригорода. Диалогическое взаимодействие осуществляется между пожилыми супругами Роем, и смертельно больной Карен. Экспериенциальными параметрами контекста являются сочувствие к супруге со стороны Роя, а также страх перед смертью и отчаяние, которые испытывает Карен. Чтобы поддержать свою супругу, Рой использует обращение *my old lady* 'моя старуха' (лингвистические параметры контекста). Известно, что в современном англо-американском обществе прилагательное *old* считается первым признаком языка эйджизма, или дискриминации пожилых людей [12]. Вместо оскорбительного выражения *old* существуют различные эвфемистические замены, такие как *experienced*, *mature*, *wise*, *wizard*. Примечательно, что словосочетание *old lady* уже в своем словарном определении считается дисфемистичным: это грубое и уничижительное разговорное выражение со значением «подружка», «жена» и «мать» [10]. Однако в данной коммуникативной ситуации референция к пожилому возрасту не является дисфемистичной для Карен – наоборот, эти слова являются для нее проявлением любви и заботы со стороны близкого человека и позволяют ей поделиться своими страхами с супругом (*I'm scared*).

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлено, что в определенных речевых ситуациях даже успешное владение дискурсивными практиками не всегда приводит к эффективной коммуникации, а в некоторых случаях несоблюдение жестко закрепленных норм приводит к положительному коммуникативному результату.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 245–246
2. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. Петров В.В., Герасимов В.И. (ред.). М.: Прогресс, 1989. 312 с.
3. Дружинин А.С., Фомина Т.А., Поляков О.Г. Эвфемизмы, дисфемизмы, ортофемизмы и экспериенциальный контекст: холистический взгляд на лингвистическую проблему // Язык и культура. 2020. 50 (2). С. 23–40
4. Иссерс О.С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени: монография. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2012. С. 73
5. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. С. 124
6. Куликова Л.В., Белецкий С.Б., Бурмакина Н.Г., Детинко Ю.И., Попова Я.В. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: монография / под науч. ред. Л.В. Куликовой. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. С. 6–11
7. Макаров М.Л. Лингвистическая антропология: очерк направления // Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XXI века: междунар. юбил. сб. науч. трудов. Красноярск: Красноярский гос. пед ун-т им. В.П. Астафьева, 2007. С. 218–232
8. Морен Э. Метод. Природа природы. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 464 с.
9. Фомина Т.А. Икс-фемия, или О трудностях разграничения эвфемии и дисфемии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и Литература. 2020. Т. 17, №1. С. 122–134
10. Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>
11. Desperate Housewives. URL: <https://watchdesperatehousewives.com>
12. Duard, A., Albo M. Who you calling 'young lady'? and other ageist language that needs to change. 2018. URL: <https://www.aarp.org/disrupt-aging/stories/ideas/info-2018/ageist-language-glossary.html>
13. Fairclough N. Political discourse in the media: An analytical framework // Approaches to Media Discourse / ed. by A. Bell and P. Garrett. O.: Blackwell, 1998. pp. 142–162.

14. Glaserfeld E. von. Radical constructivism: A way of knowing and learning. Bristol: Falmer Press, 1995. 213 p.
15. Linell P. The Written Language Bias in Linguistics: Its nature, origins and transformations. London: Routledge, 256 p.
16. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com>
17. van Dijk T.A. Introduction: Discourse and Domination // Discourse and Power / ed. by T.A. van Dijk. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. pp. 1–26

© Фомина Татьяна Анатольевна (wesna85@bk.ru), Натурина Светлана Андреевна (svetlana-naturina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

